

## ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ТОМСКА В 1917–1919 ГОДАХ

В статье рассматривается повседневная жизнь томичей в период двух революций и Гражданской войны. Автор использовал материалы периодической печати и архивные документы Новосибирского и Томских архивов. Повседневную жизнь характеризуют рост цен, дефицит, спекуляция, рост преступности, беженцы, антисанитария и в результате отрицательное отношение ко всем властям, которые сменились в Томске в 1917–1919 гг.

*Ключевые слова:* повседневная жизнь, революция, Гражданская война.

Социальная история и история повседневности – относительно новая тема в отечественной историографии. В последнее время вышло несколько работ по этой проблематике, среди которых можно выделить работу И. В. Нарского о революции и Гражданской войне на Урале глазами обывателя [Нарский, 2001]. Что касается Сибири, то по данной проблематике едва насчитывается десяток статей. Применительно к Томску можно назвать работы Н. Д. Дмитриенко, Е. Н. Косых, Э. И. Черняка и Д. Н. Шевелева [Дмитриенко, Черняк, 2005; Шевелев, 2005; Косых, 1996; Томск..., 2004]. Поэтому перед исследователями пока стоит задача первичного сбора и анализа материала по истории повседневности.

Последним событием 1916 г., которое привлекло внимание томичей, было убийство Г. Е. Распутина. Но жизнь в городе быстро вернулась в свою колею. К идущей где-то войне с Германией обыватель уже давно привык, сводки с фронта его не интересовали. О масштабах надвигающейся катастрофы не догадывался никто. Вечером 2 марта горожане спешили посмотреть комедию-фарс «Два градуса ниже нуля» в театре «Мир» на Набережной Ушайки, «шедевр кинематографии “Во власти греха”» в электротeatре «Глобус», «инсценировку попу-

лярного романа “Я помню вечер”» в театре «Фурор»<sup>1</sup>. В этот же вечер первые известия о событиях в Петрограде достигли Томска. Около редакции «Сибирской жизни» и на Почтамтской улице от Ямского переулка и до Юрточной горы начал собираться народ, внимательно слушавший чтение телеграмм под городскими фонарями. Во многих местах начались собрания для обсуждения создавшегося положения. Городская полиция с улиц совершенно исчезла. Вместо нее появились люди с красной перевязью на левом рукаве и с винтовками<sup>2</sup>.

Пьянящее и непонятное ощущение свободы охватило обывателя. Прапорщик 3 роты 32 Сибирского стрелкового запасного полка А. А. Богданов рассказывал: «2 марта узнаю о Февральской революции, победе питерских солдат и рабочих над царем. Рано утром на следующий день <...> мне бросился в глаза необычный вид улицы. Городовых не было видно. Народ шагал по мостовой, группировался. Солдаты ходили группами, громко-говорливые. Чести не отдавали. Кто-то говорил речи. Самодержавие пало. Революция! Я облечено вздохнул <...> и влился в праздничную толпу»<sup>3</sup>.

Учащийся коммерческого училища Томска, затем писарь штаба инженерного дивизиона 12 Сибирской стрелковой дивизии

<sup>1</sup> Сиб. жизнь. 1917. 2 марта.

<sup>2</sup> Там же. 3 марта.

<sup>3</sup> ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 48. Л. 6, 14.

А. М. Казаковцев 3 марта в дневнике записал: «Уроки прошли хорошо. Начальник <...> сказал по поводу настоящих событий. Настроение какое-то опасасающееся за будущее. День прошел с каким-то внутренним волнением. Вечером поел в шесть, пошел на Почташку, но опоздал на манифестацию. Но зашел на митинг. Удивляет все. Все кажется кошмарным и непонятным, что ожидает народ, не знаю. Главное, какое-то безрассудство. Но приходится положиться на волю господню и ожидать последующих событий»<sup>4</sup>.

Март 1917 г. томичи провели на площадях города – обсуждали новости и слухи. Преобладающим цветом в городе стал красный – красные флаги, банты, повязки. Кое-где встречались черные траурные флаги. 10 марта с утра на улицах стал собираться народ, а к 10 часам утра, как отмечал корреспондент «Сибирской жизни», «Почтамтская улица и прилегающие к ней переулки были запружены бесчисленным количеством горожан и крестьян из соседних деревень, приехавших посмотреть невиданное зрелище. Тут были и маленькие дети, и учащиеся, и взрослые, и даже глубокие старики, давно не выходившие на воздух». На Почтамтской улице стояли ряды солдат, гимназистов и реалистов. Продавались открытки с портретами Е. К. Брешко-Брешковской. В 11 часов начался парад войск<sup>5</sup>.

Военнослужащий расквартированного в Томске запасного полка Устинов вспоминал: «После свержения Николая II, через три дня, все войска принимали присягу Временному правительству и революционному комитету Томска <...> Когда мы шли с присяги, нас население приветствовало на улице и из окон домов махая платками <...> После принятия присяги вскоре все полки прошли по улицам Томска на площадь революции с красными лентами на груди и с красными знаменами. На крыльце губернского управления сидел старик Потанин – областник и исследователь Монголии и Сибири и перед ним склоняли красные знамена»<sup>6</sup>.

А. М. Казаковцев в дневнике 10 марта записал: «Пошли в 10 часов на манифеста-

цию. Все идут солдаты с красными значками и флагами с надписью “Да здравствует новое правительство, республика, свободная Россия” и многие другие, на домах также красные флаги <...> Парад был у губернского управления, проходили все томские полки, играли “Вставай, поднимайся, рабочий народ”, “Мы жертвою пали”, ура кричат, но все не так, как было. Нет того порядка, дисциплины»<sup>7</sup>.

Томский уезд тоже пережил смешанное ощущение свободы, растерянности и надвигающейся катастрофы. Крестьянка села Брюханово М. Камболова рассказывала: «Весть о свержении царизма взбудоражила нашу деревню до основания. Одни радовались, ликовали, другие – недоумевали. Ходили с флагами, с красными повязками на руках, митинговали. Поп служил на площади молебн: присягали Временному правительству и тут же во время молебна велись разговоры об окончании войны, о конце света, о втором пришествии Христа. Словом, слово было похоже на встревоженный улей <...> Жили в каком-то тревожном напряжении, будто ожидали, что вот-вот придет кто и рассеются сомнения, а жизнь войдет в прежнюю привычную колею»<sup>8</sup>.

В привычную колею жизнь не вошла. Продолжалось сползание в катастрофу. Первым признаком неблагополучия стали томские улицы, не отличавшиеся особенным благоустройством и до революции, но во время революции они пришли в совершенное запустение и обыватели почти ежедневно рисковали сломать ноги, утонуть в грязи, а то и заразиться инфекционными болезнями.

Корреспондент газеты «Сибирская жизнь» писал: «С некоторых пор как окраины Томска, так и более близкие к центру улицы превратились в какую-то большую деревню. Грязь везде невылазная, переходов через улицу нет, а если и есть, то они не расчищены, перейти через улицу нельзя, надо идти два – три квартала, чтобы найти удобный переход. По улицам во всякое время дня и ночи мирно и немирно пасутся свиньи, коровы, лошади <...> Свиньи подрыли тротуары, заборы, деревья, лошади и коровы поломали и объели молоденькие саженцы деревьев, а все вместе взятые, эти животные

<sup>4</sup> Там же. Оп. 4. Д. 979. Л. 72.

<sup>5</sup> Сиб. жизнь. 1917. 12 марта.

<sup>6</sup> ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 232. Л. 1.

<sup>7</sup> ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 979. Л. 73.

<sup>8</sup> ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1200. Л. 1.

усилили антисанитарное состояние города до того невозможного вида, в котором город сейчас находится»<sup>9</sup>.

Пришли в запустение бани. А. М. Казаковцев отмечал 11 августа в дневнике: «Вечером ходили в баню. Ну черт бы и не видал такую баню: грязь! Я еще во всю жизнь не мылся в такой бане, а еще номера называются. Любая деревенская баня чище»<sup>10</sup>.

С весны 1917 г. начался спекулятивный рост цен на квартиры. Домовладельцы под предлогом необходимости ремонта выселяли жильцов, а потом сдавали не отремонтированную квартиру другим квартирантам, но уже за повышенную цену.

Некоторые домовладельцы просто повышали квартирную плату на 10–50 рублей в месяц, некоторые убирали из квартир ванны, ссылаясь на дороговизну вывоза из выгребных ям, но оставляли прежнюю квартирную плату<sup>11</sup>.

В сентябре снять квартиру и комнату стало практически невозможно. Корреспондент иркутской газеты «Сибирь» отмечал, что учащиеся, приехавшие в Томск, целыми днями бродили по городу, пытаясь найти свободную комнату. Для временного проживания студентов была отведена часть столовой и анатомического театра, в технологическом институте студенты заняли все чертежные<sup>12</sup>.

Разложение охватило солдат, которые оказались предоставлены самим себе. Солдат, спящий на посту, уже никого не удивлял. В середине мая солдатами во втором участке была зарезана корова, а мясо обменяли на самосидку. Солдаты стали всегдашними томских притонов. В доме № 69 по Тверской улице в притоне постоянными были пьянство и драки. 23 июля пьяный солдат ранил финским ножом свою сожительницу и тяжело ранил другого солдата, которого он подозревал в связях с его сожительницей<sup>13</sup>. Солдаты перестали признавать власти. Примыкающий к городу лес подвергался беспощадной вырубке. Солдаты и солдатки заявляли: «Лес казенный и мы казенные, а потому мы и вольны им распоряжаться». Солдаты 18 полка рубили лес в городских дачах и вывозили его без

разрешения, и городской исполнительный комитет обратился к командиру полка с просьбой принять меры к прекращению самовольной порубки леса<sup>14</sup>.

С началом распутицы сократился подвоз продуктов из окрестных деревень. Сразу же появились перекупщики, которые скупали продукты у крестьян, и перепродавали их в базарных лавках «по значительно поднятой цене», несмотря на обязательное постановление.

В мае власти явно проигрывали битву со спекулянтами. 10 мая на томский толкучий рынок был командирован один из агентов сысского отделения. Когда он прибыл на рынок, какой-то мужчина, несмотря на попытку агента свернуть в сторону, наскочил на него и закричал, что агент вытащил у него часы. Агент был окружен толпой, и, несмотря на угрозы револьвером, началось его избивание. Спасли его патрули и милиционеры, которые с трудом отвели его в городскую милицию, поскольку толпа сопровождала их всю дорогу и требовала выдачи агента. Коммерсанты окружали плоты с продуктами, которые доставлялись из Кузнецкого уезда в Томск, и требовать продажи продуктов по ценам ниже существующих. Поэтому крестьяне стали останавливать плоты выше Томска и продавать там свои продукты, не довозя их до городского базара<sup>15</sup>.

Корреспондент томской газеты «Новая жизнь» констатировал: «Спекуляция вылилась в эпидемию. Покупают и перепродают все. Недавно нам случайно пришлось видеть результаты обыска у одного из спекулянтов, тут оказался целый универсальный магазин, было все, начиная с папирос и табаку, сливочного масла и кончая плюшевыми одеялами и ваксой»<sup>16</sup>.

В июле продовольственная проблема в Томске обострилась. Привычные хвосты стали местом битвы. Около магазина Второва солдаты стали устраивать свою очередь, при этом препятствуя входу в магазин других покупателей. Скупив мануфактуру, солдаты перепродавали ее на местной толкучем базаре. На Магистратской улице у табачного магазина ежедневно дежурили хвосты, ожидая четверти фунта табака. Рядом со

<sup>9</sup> Сиб. жизнь. 1917. 13 авг.

<sup>10</sup> ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 979. Л. 103.

<sup>11</sup> Новая жизнь. 1917. 21 мая; 16 июня.

<sup>12</sup> Сибирь. 1917. 10 сент.

<sup>13</sup> Сиб. жизнь. 21 мая; 25 июля.

<sup>14</sup> Новая жизнь. 1917. 7 июля; Путь народа. 1917. 26 сент.

<sup>15</sup> Сиб. жизнь. 1917. 13 мая; 26 мая.

<sup>16</sup> Новая жизнь. 1917. 1 июля.

взрослыми дежурили дети. Солдаты и здесь организовывали свою очередь. Купив табак, они перепродавали его втридорога. Протесты публики ничего не могли изменить.

Дефицит продуктов вызвал рост цен. С января по декабрь 1917 г. пуд пшеничной муки подорожал с 3 руб. 35 коп. до 7 руб. 60 коп., мяса – с 10 до 28 руб., сахара – с 7 руб. 50 коп. до 15 руб. 60 коп., мешок картофеля – с 2 до 18 руб., воз сена – с 6 до 40 руб. [Косых, 1996. С. 62].

«Сибирская жизнь» опубликовала фельетон «Осенние думы», отражающий проблемы обывателя:

От осенних холодов  
Дрожь идет по телу,  
А как скажут цену дров,  
Я подобен мелу.  
Горе-горюшко мое –  
Нет ни фунта масла!  
Вера в сытое житье  
У меня погасла...  
Вдруг не стало на Руси  
Табак в продаже –  
Говоришь теперь «Мерси»  
За махорку даже...  
Вдрызг штиблеты изорвал  
И обулся в лапти,  
А сапожнику сказал:  
«Вы другого грабьте!»<sup>17</sup>

К концу сентября настроение обывателя стало агрессивным. На углу Почтамтской улицы и Ямского переуллка кто-то призывал толпу к разгрому продовольственных комитетов. Около продовольственной лавки на Нечаевской улице некто призывал толпу к еврейским погромам, но был арестован. На базарной площади при выдаче талонов на получение отрубей и овса некто Н. В. Богай призывал толпу «разбивать продовольственную комиссию и городские лавки». В октябре милиция арестовывала мальчишек, продававших на улицах папиросы и сигареты «довольно плохого качества, но по очень высокой цене, до 1 руб. за десяток». Однако аресты вызывали сочувствие у толпы, которая «горячо обсуждала вопрос о правильности и неправильности деятельности милиции»<sup>18</sup>.

Ощущение безнадежности порождало не только агрессию, но и апатию, и легковереие.

Разного рода аферисты на этом сколачивали состояние.

Когда у одного из томичей были похищены деньги, то он обратился не к комиссару, а к «хироманту», реклама услуг которого висела в Томске почти на каждой улице. «Хиромант», ловко выведав, кого подозревает обокраденный гражданин, заявил ему, что кражу совершила женщина при содействии мужчины, которые живут с потерпевшим в одном доме. Оговоренную пару спасло от гнева обокраденного только то, что они выехали из города за два дня до кражи. В городе появился «предсказатель»: он держал попугая, который вытаскивал билетики с предсказаниями. Его спрашивали и о женщинах, об отсутствующих сыновьях или мужьях, об успехах в делах, об украденных вещах и т. п. Выручка «предсказателя» была весьма немалой<sup>19</sup>.

Томичи старались отвлечься от суровой действительности и спешили посмотреть в театре «Фурор» человека-аквариум, который выпивал до 50 литров воды, глотал живых лягушек, кольца, пил керосин и выпускал огненный фонтан. Затем предлагался «таинственный опыт – живой труп»: артист закладывал ватой нос, рот и бинтовал дыхательные органы, затем ложился в гроб, который засыпался землей. Через 20 минут гроб открывали и артист появлялся на сцене «совершенно неуязвимым»<sup>20</sup>.

Октябрьские события мало что изменили в Томске. Прежде всего, томичи имели весьма смутное представление о происшедших в Петрограде событиях. Октябрьская революция стала знаковым событием в глазах обывателя только в 1920-е гг. А. М. Казаковцев в дневнике 8 ноября записал: «День пасмурный <...> Хотел было зайти в “Дом юношества”, но не пошел. Вот интересны события в России, прямо как-то боязно читать газету и не старался представить какое будет будущее России. Какая анархия идет в России, какие беспорядки – это ужас!»<sup>21</sup>.

Политические события местного уровня, даже такие, как выборы в Учредительное собрание, оставались вне интересов обывателя. Во время выборов в Учредительное собрание корреспондент «Сибирской жиз-

<sup>17</sup> Сиб. жизнь. 1917. 7 окт.

<sup>18</sup> Путь народа. 1917. 26 сент.; 20 окт.; Сиб. жизнь. 1917. 18 окт.

<sup>19</sup> Новая жизнь. 1917. 12 июля; Сиб. жизнь. 1917. 26 июля.

<sup>20</sup> Знамя революции. 1917. 19 окт.; 20 окт.

<sup>21</sup> ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 979. Л. 124, 125.

ни» побывал в избирательных участках. Он писал: «Вечером у клуба большевиков толпа. Кто-то (из-за темноты не видно) по голосу молодой и самоуверенный, с верхней ступеньки лестницы говорит речь об Интернационале. Текут, как из рога изобилия, звучные мудреные слова: “Говоря конкретно, с точки зрения принципиальной, психология революционной демократии” и прочие набившие оскомину “определения”. Толпа слушает, но понимает мало. А оратор пространно говорит о наших друзьях – австрийских и германских социалистах, о Либкнехте и Адлере, о Штюрге и императоре Карле, о задачах международной политики. Постепенно толпа редет. На улицах пусто. У дверей театра миниатюр – “хвост”. Но это уже другая толпа»<sup>22</sup>.

Не вспомнили горожане и годовщину Февральской революции. 12 марта 1918 г. А. М. Казаковцев записал в дневнике: «Сегодня годовщина революции! А ничего не видно». Даже 1 мая не воспринималось какой-то важной датой. А. М. Казаковцев записал в дневнике: «Сегодня первого мая по старому стилю. Ходил встречать на парад. Народу с красными знаменами шло очень много, но толку мало! Беспорядочная толпа»<sup>23</sup>.

Все время с октября 1917 г. до июня 1918 г. томицей занимали другие проблемы – как прокормиться, во что одеться, как обогреть квартиру, где найти работу.

Октябрь 1917 г. томичи встретили в тревожном ожидании голодной зимы, столкнувшись с постоянным дефицитом продуктов и непредсказуемым ростом цен. Дефицитом было все – мука, сахар, лекарства, мануфактура, мелкие разменные деньги. Обыватели предпринимали судорожные попытки, чтобы выжить. В середине февраля томская «Земская газета» констатировала: «Продовольственный вопрос в нашем городе принимает прямо-таки угрожающий характер. Цены на предметы первой необходимости продолжают расти. Содержатели столовых, привыкшие к колоссальным прибылям, в свою очередь поднимают цены, и людям, не живущим при семье, вынужденным питаться в столовых, приходится прибегать в мудрому рецепту Меншикова – к воздержанию... “Я сегодня перестаю обе-

дать. Платить 2 рубля за обед я не в силах”. Эти слова можно услышать почти в каждом кружке... Обед из двух блюд, который в ноябре стоил 1 руб. 40 коп., теперь отпускается за 3 руб. 10 коп. Итак, положение становится невыносимым и катастрофическим»<sup>24</sup>.

При этом в деревне был избыток продуктов питания, но город ничего не мог дать деревне, несмотря на периодические обыски и конфискации мануфактуры у «спекулянтов», а жесткие репрессивные меры против мешочников только усугубляли положение горожан. Характерно, что власть воспринимала мешочников как врагов. Один из руководителей Томского Совета А. И. Беленец вспоминал: «На линию Томской железной дороги для борьбы с мешочничеством были высланы воинские и красногвардейские отряды общей численностью до 400 бойцов. Пассажирские и товарные поезда, направлявшиеся из Омска на восток, на подходах к станциям останавливались и у мешочников, до отказа загружавших мешками с продовольствием не только купе и проходы вагонов, но и их крыши, – отбирались все мешки с продовольствием. Явных спекулянтов тут же арестовывали, а пытавшихся оказать сопротивление с оружием в руках расстреливали на месте. Применение столь крутых мер требовалось еще и потому, что спекулянты устанавливали свои порядки на станциях железной дороги. Они принудительно заставляли начальников станции отправлять или задерживать поезда и загружали вагоны мешками»<sup>25</sup>.

Мешала партийность власти, воспринимавшая рынок как абсолютное зло. А ведь только благодаря мешочникам горожане смогли выжить в голодную зиму 1917/18 г.

Крестьяне, не имея возможности продавать хлеб, стали перегонять его на самогонку. Местные власти бездействовали. Пьяный председатель Юрьевского волостного комитета Мариинского уезда К. Запрудский разъяснял корреспонденту газеты «Знамя революции»: «А что мне, на то и свобода, что захочу, то и сделаю, а тем более самосидка – я ею никому вреда не делаю»<sup>26</sup>.

А вот характерная зарисовка томской жизни. Член Временного комитета союза безра-

<sup>22</sup> Сиб. жизнь. 1917. 15 нояб.

<sup>23</sup> ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 979. Л. 164, 179.

<sup>24</sup> Земская газета. 1918. 17 (4) февр.

<sup>25</sup> ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 46. Л. 113.

<sup>26</sup> Знамя революции. 1917. 29 окт.

ботных фронтовиков и рабочих П. Кошкарлов вспоминал: «Основной задачей Временный комитет себе поставил – обследовать товарищей особо нуждающихся. Распределили между собой районы, и оказалось, что многие семьи безработных, что называется, сидят без куска хлеба. Я был у одного на так называемом монастырском лугу, хотя там болото, но назывался он лугом. И что же я увидел. Семейство в 8 душ помещалось в сыром подвале. Трое ребят полураздетые, исхудалые возились около больной женщины, лежавшей в углу комнаты на какой-то сермяге. Глава семейства – фронтовик из дня в день бегал по городу, ища работы, но так как он чернорабочий, то никуда пристроиться не мог – безработица в то время особенно была по неквалифицированному элементу»<sup>27</sup>.

Повседневной ситуацией томского обывателя стала осада продовольственных лавок, распределявших продукты. «Хвосты», которые были и в 1916 г., и при Временном правительстве, теперь стали длиннее. К концу декабря 1917 г. у городской лавки стояло свыше 700 человек, места у лавок занимали с 6 часов вечера. 19 декабря ожидающие муки с 6 часов вечера обыватели разожгли костры и остались ночевать у лавок. В городскую милицию явилась толпа и потребовала немедленного осмотра всех складов, где может быть мука, а на заявления комиссаров, что муки нет, кричали: «Должна быть». Стоящие в «хвосте» около лавки Кухтерина по Иркутской улице сломали витрину и разожгли из нее костер»<sup>28</sup>.

Власти оказались бессильны наладить товарообмен между городом и деревней и распределить имевшиеся в городе запасы. Эту функцию взял на себя «черный рынок». Самым оживленным местом стала томская толкучка. Томская газета «Путь народа» в середине марта писала: «В настоящее время особенно оживленно работает толкучий рынок, где можно найти буквально все. Площадь завалена товарами: ситцы, табак, папиросы, одежда, ношенная и новая, мука, сахар, чай, дрожжи, всевозможные предметы военного снаряжения, скатерти, посуда, ковры, шторы с клеймами гостиниц»<sup>29</sup>.

Парадокс ситуации состоял в том, что власти не прекращали проводить реквизи-

ционную и монополизационную политику. И торговцы на базаре увеличивали цену, закладывая в нее «предпринимательский риск».

Обыватель, ощущая бесполезность власти, реагировал весьма своеобразно, заявляя: «На какой мне рожон революция, коли сытости я от нее не видал». Соответствующим было отношение к органам власти: «Думают, думают, а все не выдумают, чтобы хлеба вдоволь было, и чтобы товар дешевый был бы». Как отмечал корреспондент томской газеты «Путь народа», «на митинг или партийное собрание обывателя теперь арканом не затащишь»<sup>30</sup>.

Не видя иного выхода, обыватели становились на силовой путь решения продовольственной проблемы. 15 декабря толпа женщин задержала в Томске 4 воза муки весом 200 пудов, которая была предназначена для строителей Кольчугинской железной дороги, и сдала их в лавку Горохова, которая тут же распределила ее по талонам<sup>31</sup>.

Другой составной частью повседневной жизни горожан стал рост преступности. Корреспондент Л. Перелешин, отмечал: «Особенно растут преступления имущественные. Причина ясна: дороговизна. Но есть еще причина повышения преступности – это увеличение кадра преступников и сознание безответственности за эти преступления. Выпущенные из тюрем быстро находят себе работу. Когда здесь в первый период революции у военной власти стояли более реальные политики, то они умели принимать более решительные меры в борьбе с преступностью»<sup>32</sup>.

Не считаясь с официальными властями, случались самосуды. 7 января в д. Погорелки Покровской волости крестьяне заподозрили в краже коровы И. и К. Щегловых и И. Иванова, они забили до смерти Щегловых, а Иванова живым закопали в могиле с трупами Щегловых<sup>33</sup>.

Сохранить нормальное психическое здоровье горожанам помогли театры и кинематографы, предлагавшие легкие развлекательные программы. «Сибирская жизнь» констатировала: «Общее число посетителей всех мест увеселений и зрелищ за 1917 г. определяется весьма внушительной цифрой

<sup>27</sup> ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 276. Л. 9.

<sup>28</sup> Сиб. жизнь. 1917. 20 дек.; 21 дек.; 23 дек.

<sup>29</sup> Путь народа. 1918. 21 (8) марта.

<sup>30</sup> Там же. 1917. 17 нояб.

<sup>31</sup> Сиб. жизнь. 1917. 20 дек.

<sup>32</sup> Путь народа. 1918. 27 янв.

<sup>33</sup> Там же. 24 янв.

в 641 828 человек <...> Таким образом, не взирая ни на какие ужасы трагического времени, полного всяческих катастроф государственного, общественного, экономического, хозяйственно-продовольственного, семейного и личного характера, потребность в увеселениях и зрелищах у нас не только не уменьшается, а, напротив, увеличивается, приобретая при этом особую, специфическую остроту и едва ли в направлении повышения вкуса в смысле эстетическом и художественном. Скорее всего эта страсть к увеселениям и зрелищам у нас – явление болезненное, напоминающее времена упадка нравов, когда толпа кричала и требовала: “Хлеба и зрелищ!”<sup>34</sup>.

Никакие внешние события не могли заставить томичей отказаться от посещения театров и развлечений. Накануне разгона Учредительного собрания томичи смотрели в «Интимном театре» оперетту «Мужья» и комедию «Как они бросили курить», в электротеатре А. Ф. Громова – драму в четырех громадных отделениях «Сын министра», в электротеатре «Фурор» – «историческую картину в пяти частях из интимной жизни предков Николая Романова» «Фавориты Екатерины II», в гостинице и ресторане «Европа» предлагались буфет, обеды, струнный оркестр музыки<sup>35</sup>.

Корреспондент томской газеты «Голос Сибири» описывал оперетту В. Г. Дарова «Мотор любви», которая прошла в воскресенье 10 февраля 1919 г. в общественном собрании: «Пьеса без смысла, музыки и содержания. Смотри два – три раза и не поймешь, в чем дело: ходят люди, разговаривают, смеются, поют, шутят, мешают друг другу и только. Если бы автор назвал свое произведение – “Лягушка в сметане”, то это также бы соответствовало содержанию как и “Мотор любви”. Если, в доброе старое время, в наших школах наказывали учеников изучением бессмысленных стихов Тредиаковского, то подобными опереттами антрепренеры и режиссеры только замучивают актеров»<sup>36</sup>.

Подобного рода развлечения позволяли не думать о каком-то фронте, борьбе. П. Пономарев сочинил фельетон «Два письма»: «Из тыла: Дорогой Петя! Рука моя зажила, да в

сущности и ранение-то ведь пустяшное было, ну а теперь – совсем уж <...> Все же я. Понимаешь, повязки не снимаю... Веселимся во всю! Недавно тут концерт в пользу раненых устраивали, ну, разумеется, и выпивка и закуски были приличные. Так насосались совсем до сыта <...> А то вот еще пикник устроили. Да такой, что чертям тошно <...>

С фронта: Получил я твое письмо, Николай! Мы только что вышли из боя <...> С самого утра до сумерек наши были в деле и работали орлами. Сколько атак выдержал наш полк, уж и не припомню, скажу только, что все мы были неоднократно на волосок от смерти. “Красные” лезли напролом, и дело доходило до штыковых ударов. Да, стоит вспомнить сегодняшний день, потому что это славная боевая страница»<sup>37</sup>.

Неспособность властей обеспечить минимальные потребности обывателей, чрезвычайные методы управления, беспричинные обыски и репрессии, немотивированные реквизиции продовольствия и товаров, запрет частной торговли настолько измотали население за первую половину 1918 г., что оно готово было приветствовать любую другую власть, лишь бы убрать эту.

27 мая 1918 г. А. М. Казаковцев записал в дневнике: «В воздухе что-то чувствуется! Говорят, что будто бы чехословаки идут свергнуть Советскую власть. Ну мы, конечно, пришли на станцию. Там поезда не идут, только 3б, да воинский с большевистскими войсками. Да насколько привыкли уже слышать о стрельбе, о фронте, но когда пришлось увидеть какие микстуры везут большевики на фронт или в Тайгу, так сразу мурашки по телу идут»<sup>38</sup>.

О первых днях новой власти томский рабочий Глухарев вспоминал: «Дело к вечеру <...> Народ на Иркутской улице валит валом по направлению к Томску II. Слышим музыку. Это идут “спасители отечества” – братья-славяне. Народ, как угорелый, бежит встречать своих избавителей. И вот показывается (нам видно через Белое озеро: живем как раз на улице) сначала толпа народа. Затем музыка и “спасители”, а сзади опять народ. Впереди какой-то офицер гарцует на лошади и подбадривает ребятишек, чтобы

<sup>34</sup> Сиб. жизнь. 1917. 30 нояб.

<sup>35</sup> Знамя революции. 1918. 4 янв.

<sup>36</sup> Голос Сибири. 1919. 11 февр.

<sup>37</sup> Русский голос. 1919. 11 нояб. (29 окт.)

<sup>38</sup> ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 979. Л. 185, 187.

кричали “ура”, а те стараются» [Глухарев, 1923. С. 48].

Основные аспекты повседневности в период Гражданской войны в Сибири изучены в работе В. Г. Кокоулина [2009] применительно к Новониколаевску – рост цен, дефицит, спекуляция, жилищный кризис, беженцы, преступность, стратегии выживания, развлечения. Все это присуще и Томску в этот период. Отметим два аспекта, которые не были выражены в Новониколаевске. В Томске было студенчество и значительно больше учащихся. Томские школы и вузы переживали тяжелые времена. Учащиеся Мариинска в своем журнале писали: «В тяжелых условиях приходится работать школам в наше время: нет книг, нет учебников, нет тетрадей, бумаги и необходимых школьных принадлежностей <...> К этому надо добавить еще, что жалование, получаемое в настоящее время нашими учителями, дает им только возможность полуголодного существования. Часто случается так. Что с учителей сельских больше за хлебы запрашивают, чем они жалования получают.

Как тут жить? Что делать? Как работать?

А бывает так еще, что нет дров на отопление школы. Приходится в силу необходимости преподавателям прекращать занятия.

Порой из-за того, что дров мало во время занятий, так и не разогнешь пальцев, писать трудно, чуть чернила не замерзают»<sup>39</sup>.

Тяжелым было положение учителей средней школы. Председатель правления союза педагогов направил в комиссию по народному образованию Сибирской областной думы записку о том, что учителя вынуждены выживать за счет займов, кредитов, дополнительной работы, донашивают одежду и обувь. Он предлагал единственный выход – повысить оклады с 2 950 до 4 800 руб.<sup>40</sup>

Школьные и вузовские здания занимали под воинский постой. В феврале 1919 г. горожане узнали о том, что с 1 марта предполагается прекратить занятия в университете и технологическом институте и использовать эти здания под постой войск. 18 марта 1919 г. городская жилищная комиссия обратилась к представителю учителей И. М. Воскресенскому и заведующему городским отделом народного образования

И. И. Кузнецову с просьбой созвать совещание «для выработки особого плана занятия школьных помещений под воинский постой». Под постой войск пытались занять даже Королевский детский приют. 29 марта 1919 г. Томская губернская земская управа постановила обжаловать постановление жилищной комиссии о выводе детей из приюта<sup>41</sup>.

Всю Гражданскую войну Томск переживал топливный и осветительный кризис. Раньше, бывало, в 10 часов вечера все окна в Томске иллюминировались 8–10 линейками. «Суньтесь-ка нынче на улицу. Что вы увидите? Тьму кромешную <...> Пьют, едят во тьме <...> Теперь даже в моде приглашение: “Приходите к нам в гости со своей свечой”. Ибо свечи “днем с огнем не сыщешь”. А найдется лавочка с этим драгоценным товаром, так ее осадят, словно Кремль поляки. Ребра ломают друг другу за кусок стеарину»<sup>42</sup>.

Все это тяжело отразилось на учащихся. С началом учебных занятий школьники вынуждены были заниматься, зажигая плошки с конопляным маслом. Наступила «власть тьмы», констатировала «Сибирская жизнь». Когда керосин подорожал до 10 руб. за фунт, томские студенты вынуждены были покупать керосин вскладчину и заниматься группами по вечерам<sup>43</sup>.

Когда цена на дрова в октябре 1919 г. дошла до 1 200 руб. за погонную сажень, томичи стали вырубать лес в городе. Особенно активно лес вырубался возле учительского института и за Мухинской улицей. Началось активное растаскивание на дрова тротуаров, перил, вырубка зеленых насаждений в городе. По набережной Ушайки был снят весь настил тротуара, на Садовой улице разобрали перила, ограждающие насаждения по бульвару, возле здания присутственных мест были срублены деревья. Вырубался лес на Преображенском кладбище<sup>44</sup>.

Недостаток дров приводил к прекращению работы учреждений Томска. Одними из первых это почувствовали учебные заведе-

<sup>41</sup> Голос Сибири. 1919. 8 февр.; Сиб. жизнь. 1919. 22 марта; ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 38. Л. 103.

<sup>42</sup> Народная газета. 1918. 5 сент. (23 авг.).

<sup>43</sup> Сиб. жизнь. 1918. 17 сент.; Сибирь. 1918. 3 нояб. (21 окт.).

<sup>44</sup> Сиб. жизнь. 1919. 23 окт.; 26 окт.; Русский голос. 1919. 28 (15) окт.

<sup>39</sup> Зарница (Мариинск). 1919. 28 февр.

<sup>40</sup> ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 17. Л. 30.

ния, многие низшие школы из-за отсутствия дров прекратили занятия. Во втором высшем начальном училище занятия были отменены. Через неделю городская управа организовала подвозку дров и занятия возобновились. Меньше повезло торговой школе, которая дров не получила, а небольшими остатками дров не могла протопить помещений, в которых занятия даже в шубах стали невозможны. Технологический институт прекратил проводить лабораторные работы из-за отсутствия газа. Затем отменили все вечерние занятия из-за отсутствия света. Городская управа отклонила ходатайство университета о присоединении его к городской электрической сети на случай отсутствия угля у университетской электрической станции. И уже 3 февраля в университете из-за отсутствия света вынуждены были отменить вечерние занятия. Правление университета отказало в выдаче дров студенческому общежитию, в связи с этим пришлось повысить плату за помещение, чтобы закупить все дорожающие дрова на рынке. Вскоре университет вынужден был начать вырубать университетскую рощу на дрова<sup>45</sup>.

Другим аспектом повседневной жизни Томска была коррупция местной власти. Особенно отличилась городская продовольственная управа, которая закупала продукты на Дальнем Востоке. Это давало простор для разного рода спекуляций, которые можно было списать на плохую работу железных дорог, отсутствие нарядов на вагоны и т. п. 7 марта 1919 г. Томская городская дума обсуждала работу городской продовольственной управы. Гласный И. П. Свинцов заявил, что городская продовольственная управа до сих пор не представила отчета о своей деятельности. Продовольственная управа была учреждена для борьбы со вздутием цен, но вместо этого она занималась спекуляцией, а населению выделяла по 8 вершков мануфактуры и по 5 пар галош на 400 человек. Например, Общество взаимного кредита закупило американскую обувь по 85 руб. за пару, управа же покупает во Владивостоке по 193 руб. 50 коп., что после доставки в Томск будет составлять 225 руб. «Без “жаркого” дело не обойдется», – подытожил И. П. Свинцов. 11 марта 1919 г. Томская городская дума обсуждала мясные заготовки, в результате которых был получен убыток в 70 тыс. руб. Было решено передать

дело по мясным заготовкам, которые вела городская продовольственная управа, следственным властям и привлечь к уголовной ответственности как служащих продовольственной управы, так и городского самоуправления, причастных к этим мясным заготовкам<sup>46</sup>.

Уже в начале ноября 1919 г. томичи оказались во власти слухов о положении дел. Говорили, что армия разбита, что она не в состоянии оказывать сопротивление, что большевики движутся «со скоростью поезда», что прервано всякое сообщение с Омском, что сибирские деньги объявлены недействительными. Говорили даже, что Красная армия идет из Тобольска через Сургут и Нарым на Томск<sup>47</sup>.

А. М. Казаковцев 29 ноября 1919 г. записал в дневнике: «Сегодня вот что-то перечитал почти все письма, так как делать нечего <...> да и не хочется делать – настолько убита всякая энергия последними событиями. Фронт почти совсем ослаб, сдан Омск, Татарская, связь с Бийском прервана и в воздухе кажется беспокойно»<sup>48</sup>.

28 ноября в «Сибирской жизни» появилось объявление, что по приказу генерала Пепеляева выезд из Томска всем мужчинам совершенно запрещен, эвакуировать предполагалось только семьи военнослужащих, бойцов, раненых и больных воинов<sup>49</sup>.

После этого началась распродажа имущества, товаров, что вызвало падение цен, квартиры пустели, возы с имуществом куда-то отправлялись. Томск готовился бежать на восток. По Иркутскому тракту тянулись обозы с беженцами.

Рабочий одного из томских заводов Глухарев вспоминал: «Числа 14 или 13 декабря потянулись обозы, которые напоминали отступление французов. Кошевки, розвальни, кибитки разных фасонов и размеров, нагруженные людьми, оружием, мукой, мясом и прочей дребеденью, – все это направлялось на Иркутский тракт. Появились слухи, что отбирают лошадей у кого попало и, нагрузив, угоняют в обоз. И это продолжалось дня три, если не четыре. Кажется 15 или 16 декабря (точно не помню) пришел на завод. По дороге видел обоз, который, как говорят очевидцы, тянулся от почты и до железнодорожной линии у Томска. Сам я видел, что лошадей отбирают у всех, кто бы

<sup>46</sup> ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 718. Л. 11, 34.

<sup>47</sup> Сиб. жизнь. 1919. 7 нояб.

<sup>48</sup> ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 979. Л. 310, 311.

<sup>49</sup> Русский голос. 1919. 29 (16) нояб.

<sup>45</sup> Голос Сибири. 1919. 29, 30 янв.; 1, 2, 4, 5 февр.; Правит. вестник. 1919. 8 февр.

только не показался на лошади» [Глухарев, 1923. С. 52].

Редактор «Сибирской жизни» А. В. Адрианов 18 декабря записал в дневнике: «В городе с утра вдруг стало тихо, улицы опустели, военных не видно, езда почти прекратилась. У дома Кириллова, на углу Дворянской и Монастырского переулков вдоль тротуара стоят в беспорядке, частью поломанных несколько штук розвальней...одна городская кошевка <...> но ни одной лошади около них не было».

22 декабря 1919 г.: «С раннего утра в нашем районе начали размещаться прибывшие ночью красноармейцы – одни самовольно, другие – по приказу вчера вечером революционного штаба. Идя в 8 часов утра на сенной и дровяной базар, я видел, как у дома Суховых на Александровской улице был водружен красный флаг какого-то штаба 26 стрелкового полка (с пятиконечной звездой) и въезжали 4–5 подвод, в это время водружался у ворот соседнего дома Баумгартена красный флаг с надписью белыми буквами “РСФСР” и пятиконечной звездой и стояли у ворот 4 подводы <...> Всюду встречались солдаты в одиночку, по двое и группами, с винтовками и без них. Партикулярной публики было мало, но встречавшиеся иные, типичные на вид “буржуи”, были украшены красными лоскутками в петлицах меховых пальто, видимо, в целях предосторожности. На базаре было пусто – ни одного воза сена и десятков возов дров. Что было – расхватывалось, другие еще подвозили <...> по 600 руб. за возик “плохих дров” и по “полторы бумаги” (то есть 1 ½ тысячи) за воз сена. Скошенного осенью, вместе с опавшим листом; я предлагал 1 000 руб. – не отдали. У Тороповых в 9 часов утра самовольно водворились 7 красноармейцев, совсем перемерзших. Они привезли муку и просили испечь хлеб»<sup>50</sup>.

Вскоре в Томске установилась новая власть, которая попыталась вывести город из катастрофы. Таким образом, кризис, который население испытало в годы Гражданской войны, был закономерным продолжением того кризиса, который начался в период Первой мировой войны, и чрезвычайно усилился в период политической нестабильности и ослабления власти после Февральской революции, достигнув в 1919 г. своего апогея.

### Список литературы

Глухарев. Мои воспоминания // Былое Сибири. 1923. № 2. С. 35–48.

Дмитриенко Н. М., Черняк Э. И. Образование и культура в Томске в годы революции и Гражданской войны // Современное историческое краеведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2005.

Коккоулин В. Г. Уездный город в Гражданской войне (Новониколаевск, июнь 1918 – декабрь 1919 г.) // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия. Самара, 2009.

Косых Е. Н. Цены в Томске в 1917 г. // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск, 1996.

Нарский И. В. Жизнь в Катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

Томск: история города от основания до наших дней. Томск, 2004.

Шевелев Д. Н. Томск в годы Гражданской войны: власть, общество, повседневность // Тр. Том. гос. ун-та: Сер. историческая. 2005. Т. 267. С. 54–75

<sup>50</sup> ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 1036. Л. 1, 2, 11.

Материал поступил в редколлегию 10.09.2009

V. G. Kokoulin

### TOMSK EVERYDAY LIFE (1917–1919)

In article is considered Tomsk daily life in two revolutions and Civil war. The author used materials of periodicals and archival documents from Novosibirsk and Tomsk archives. A daily life is characterized by the rise of prices, deficiency, gamble, criminality growth, refugees and as a result the negative relation to all authorities which were in Tomsk in 1917–1919.

Keywords: a daily life, revolution, Civil war.